

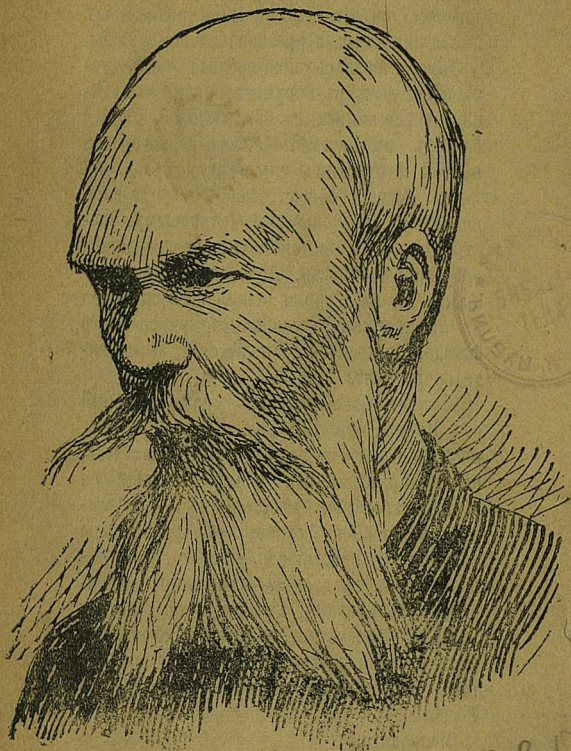
И 247
1584

авз

25

Покойный Старыйшина Русской Дипломатіи.

(Изъ воспоминаній стараго корреспондента).

† А. И. Нелидовъ. †

Оттискъ изъ иллюстрированнаго журнала „Весь Міръ“.

Осенью 1876 года пишущему эти строки довелось находиться въ Константинополѣ по обязанностямъ корреспондентской службы.

Тамъ собралась конференція уполномоченныхъ державъ-поручительницъ, вызванная герцеговинскимъ возстаніемъ, рѣзней болгаръ въ Батакѣ, сербско-черногорской войной и русскимъ ультиматумомъ.

Въ Россіи общественное возбужденіе, поднятое Аксаковымъ и Черняевымъ, достигало въ ту достопамятную осень крайней напряженности. Неожиданно зашевелились и заговорили славянскія чувства въ людяхъ самаго различнаго умственного склада, направленія, положенія, образовательнаго ценза.

Монархъ-Освободитель, унаслѣдовавшій отъ Императора Николая Павловича верховную власть въ недостигаемомъ, казалось, объемѣ и однако-же усилившій еще ся обаяніе дарованіемъ крестьянамъ воли и земли, очищеніемъ судовъ отъ «неправды черной» и введеніемъ земскаго и городского самоуправленія—императоръ Александръ II, словомъ, начиналъ поддаваться вліянію общественнаго мнѣнія во-внѣшне политической злобѣ дня—вещь, неслыханная, невиданная, неслучавшаяся еще въ Россіи!

Мало того.

Государственный канцлеръ, министръ иностранныхъ дѣлъ свѣтл. князь А. М. Горь-

чаковъ, пользовался въ ту пору громаднѣйшимъ авторитетомъ. Его считали высоко-талантливымъ и многоопытнымъ продолжателемъ традицій блестящей плеяды великихъ дипломатовъ первой четверти XIX-го вѣка, осѣненнымъ, вдобавокъ, важною заслугою передъ отечествомъ. Въ концѣ семидесятыхъ годовъ, правдивыя свѣдѣнія о значеніи иностраннаго вмѣшательства въ русско-польскую распрю 1863 года были еще мало распространены, и русская интеллигенція была въ общемъ твердо убѣждена въ томъ, что кн. Горчаковъ, — именно онъ и онъ одинъ, спасъ Россію отъ вторичнаго удара, вродѣ Крымской Кампаніи.

Военный министръ Д. А. Милютинъ находился въ зенитѣ своей популярности. Общественному мнѣнію было хорошо извѣстно, что родной братъ главнаго дѣятеля по упраздненію крѣпостного права былъ вмѣстѣ съ тѣмъ его единомышленникомъ и что его собственная дѣятельность по военнымъ преобразованіямъ была запечатлѣна духомъ самаго просвѣщеннаго либерализма, вполнѣ примиряющаяся однако въ умѣ этого ученаго офицера генеральнаго штаба съ патріотической заботливостью о поднятіи вооруженныхъ силъ Россіи на высоту ея великодержавнаго положенія.

Министръ финансовъ Н. Х. Рейтернъ пользуясь большимъ вѣсомъ въ Государственномъ Совѣтѣ и въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, съумѣлъ одновременно нѣсколькими удачными кредитными

мѣропріятіями завоевать общественныя симпатіи и слылъ очень даровитымъ экономистомъ, построившимъ цѣлую систему прочнаго улучшенія отечественныхъ финансовъ и стойко проводящимъ ее въ жизнь.

Горчаковъ, Милютинъ и Рейтернъ соединяли свои усилія, чтобы обезпечить торжество завѣдомому миролюбію Государя, и однако-жъ уже осенью 1876 года обозначился вполне ясно перевѣсъ воинственныхъ общественныхъ вѣяній надъ столь могущественными тогда миролюбивыми государственными факторами.

Императоръ, канцлеръ, военный министръ, министръ финансовъ Россіи конца семидесятыхъ годовъ—все четверо во всеоружіи власти были *debordés* общественнымъ движеніемъ, которое стремилось освободить во что бы то ни стало балканскихъ славянъ отъ мусульманскаго владычества.

Конечно, не въ одномъ этомъ стремленіи была сила движенія. Оно осложнялось еще патріотической обидой, что по парижскому трактату Россія была лишена права имѣть военный флотъ на Черномъ морѣ; далѣе—вопросомъ о «проливахъ и гирлахъ», религиозными аспираціями по отношенію къ мечети Хаджа-Софія, отчасти, пожалуй, и видами на Царьградъ; наконецъ, заблужденіемъ, что война «очиститъ» внутреннюю атмосферу, ставшую въ половинѣ семидесятыхъ годовъ порядкомъ таки затхлой.

Но не подлежитъ сомнѣнію, что все же лейтмотивомъ—была *единоплеменность*, и вольтеріанцы напрасно отрицаютъ за этимъ

чувствомъ, не только какую бы то ни было политическую силу, но даже какое бы то ни было подобіе реальнаго бытія.

* *

*

Благодаря тому, что мой университетскій товарищъ и пріятель состоялъ въ составѣ русскаго посольства въ Константинополь и что я былъ командированъ туда петербургской газетою съ широкимъ распространеніемъ и не безъ значенія—я на второй-же день по пріѣздѣ въ Константинополь имѣлъ возможность представиться полномочному представителю Россіи на вышеупомянутой конференціи, генералъ-адъютанту (впослѣдствіи графу) Н. П. Игнатьеву, занимающему уже нѣсколько лѣтъ постъ посла при султанѣ и Портѣ.

Нѣсколько иностранныхъ журналистовъ, съ которыми я ѣхалъ изъ Варны и остановился по пріѣздѣ въ одной гостинницѣ, успѣли уже наговорить мнѣ съ три ко-роба про этого дипломата.

Это-де виновникъ и герцоговинскаго возстанія, и болгарской рѣзни, и сербско-турецкой войны, и пріостановки Турціей платежей процентовъ по иностраннымъ займамъ («оттоманское банкротство») и развращенія подкупомъ сановниковъ Порты и Сераля...

Но вмѣстѣ съ тѣмъ «le général Ignatieff—es un charmeur irresistible» (генералъ Игнатьевъ—неотразимый-де очарователь), онъ необыкновенно доступенъ, обходителенъ, словоохотливъ, вкрадчивъ, его личному

обаянію à la longue никто не въ состояніи противопоставить недовѣрія.

Служащій въ посольствѣ товарищъ мой не только подтвердилъ, но даже усилилъ восторженную оцѣнку личныхъ качествъ русскаго посла такъ, что я уже ожидалъ съ его стороны любезной встрѣчи, но все-же былъ ею ошеломленъ.

— Когда пріѣхали, гдѣ остановились, довольны ли гостинницей, благополученъ-ли былъ переѣздъ...

Все это тономъ заботливаго отца (я былъ тогда еще очень молодъ—прямо почти съ университетской скамьи), со сжиманіемъ обѣихъ моихъ рукъ, съ усаживаніемъ меня на креслѣ въ ближайшемъ сосѣдствѣ, почти въ прикосновеніи со своимъ кресломъ.

Такого фамиліарно—ласковаго генерала я, отродясь, не видалъ.

А вѣдь это былъ далеко не заурядный генералъ, а генералъ, дѣлающій такъ сказать исторію, генералъ, считающійся наиболѣе достойнымъ пріемникомъ свѣтлѣйшаго канцлера.

Послѣ такихъ вступительныхъ привѣтствій, онъ быстро перешелъ къ «матеріямъ важнымъ», сразу перемѣнивъ тонъ, на *confidences d'égal en égal*.

— Очень, очень радъ, что вы пріѣхали; надѣюсь вы не откажете мнѣ въ очень цѣнной для меня услугѣ.

— Помилуйте, ваше высокопревосходительство, какимъ образомъ такой маленькій человѣчекъ можетъ такой крупной велич...

— ...О, не говорите этого, печать—гро-

мадная сила... помогите мнѣ вашимъ перомъ, въ талантливости котораго я не сомнѣваюсь, разсѣять легенду, очень для меня неудобную и вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно неосновательную.

— Располагайте мною цѣликомъ, ваше высокопревосходительство.

— Благодарю васъ. Дѣло въ томъ, что въ Россіи распространено совершенно ложное мнѣніе, будто-бы я всѣми мѣрами стремлюсь теперь вызвать войну Россіи съ Турціей. Сохрани меня Богъ! Ничего подобнаго!

— Что-же могло подать поводъ къ возникновенію такой «легенды», ваше высокопревосходительство?

— Видите-ли, когда вспыхнула война Сербіи и Черногоріи съ Турціей, я, въ одномъ изъ моихъ донесеній въ министерство иностранныхъ дѣлъ, сообщалъ, что какъ на Дунаѣ и въ Балканахъ, такъ и на русско-турецкой границѣ въ Азіи, совсѣмъ нѣтъ войскъ. Дѣйствительно, было—хоть шаромъ покати! Скоро мобилизованнымъ русскимъ арміямъ ничего бы не стоило войти съ азіатской стороны въ армянскіе округи Турціи и поднять тамъ возстаніе; съ европейской—еще болѣе поспѣшно пройти черезъ Румынію, переправиться черезъ Дунай и организовать болгарскую партизанку... Теперь моментъ пропущенъ, у турокъ значительныя силы стянуты уже и на Дунай, и въ Анатоліи. Въ русской дипломатіи, и среди русскихъ военныхъ нѣтъ болѣе ревностнаго побор-

ника мирнаго разрѣшенія нынѣшняго кризиса, чѣмъ я. Сейчасъ, по открытіи засѣданій международной конференціи, я выступлю съ предложеніями, которыя удивятъ представителей остальныхъ державъ-поручительницъ своею умѣренностью. Вотъ увидите.

Въ тотъ-же день я узналъ въ посольствѣ, что подготовленные для внесенія на конференцію предложенія Россіи редактировалъ совѣтникъ посольства *Александръ Ивановичъ Нелидовъ*.

— Это у насъ великій мастеръ редактировать дипломатическія документы, — сказали мнѣ въ канцеляріи посольства, глубокій знатокъ исторіи ближняго Востока и его сношеній съ арійско-христіанскимъ міромъ.

Вскорѣ я познакомился съ А. И. Нелидовымъ. Очень отчетливо мнѣ запомнились лицо и фигура этого скончавшагося на дняхъ дипломата.

Высокій, худощавый, стройный, съ густыми волосами и длинными бакенбардами, съ черными, смотрящими серьезно глазами, съ блѣднымъ продолговатымъ лицомъ — онъ производилъ впечатлѣніе чловѣка вдумчиваго, уравновѣшеннаго, спокойнаго.

Оставшись тогда въ Константинополѣ осень, зиму и начало весны, я часто видѣлся и говорилъ съ совѣтникомъ, который, послѣ закрытія конференціи и отъѣзда Н. П. Игнатьева былъ повѣреннымъ

въ русскихъ дѣлахъ, главою посольства вплоть до начала военныхъ дѣйствій.

Онъ слѣдовалъ примѣру своего непосредственнаго начальника по отношенію къ журналистамъ, былъ для нихъ доступенъ, вѣжливъ, любезенъ, но безъ пересаливанія, безъ *causeries intimes en bons enfants*, безъ хлестаковско-репетиловскихъ замашекъ, къ которымъ былъ покладливъ Игнатъевъ, впитавшій въ свою богато одаренную натуру еще и часть Ноздрева.

Редактированныя Нелидовымъ русскія предложенія находились въ портфель генераль-адъютанта Игнатъева, когда онъ пріѣхалъ на первое засѣданіе исторической конференціи въ Топханѣ.

Въ моментъ, когда Мидхадъ-паша, согласно дипломатическому этикету, занялъ предсѣдательское кресло, загремѣлъ пушечный выстрѣлъ.

— Милостивые государи, обратился великій визирь къ представителямъ державъ-поручительницъ, вы слышите сейчасъ начало салюта, которымъ ликующая Имперія наша привѣтствуетъ дарованіе ей Его Императорскимъ Величествомъ Султаномъ и Халифомъ Хартіи конституціонныхъ вольностей всѣмъ вѣрнымъ оттоманскимъ подданнымъ, безъ различія вѣроисповѣданій, національностей и сословій.

Въ залъ вошли секретари «Бабалье» (турецкое министерство иностранныхъ дѣлъ) и положили передъ каждымъ уполномоченнымъ по влажному еще, точно сейчасъ

вышедшему изъ подъ типографскаго станка, экземпляру французскаго перевода «Оттоманской Конституціи» 7-го Зильхидже 1293 года (по магометанскому лѣтоисчисленію).

Мидхадъ-паша развернулъ свой экземпляръ на послѣдней его страницѣ и опять обратился къ уполномоченнымъ.

— Съ позволенія вашихъ превосходительствъ я прочту тѣ статьи Оттоманской Конституціи, которыя состоятъ въ непосредственной связи съ предметомъ созыва настоящей высокой конференціи.

И не дожидаясь изъясненій согласія на то уполномоченныхъ, онъ продолжалъ:

— Статья 108 отдѣла «Областнаго Управленія» гласить;

«Управленіе областей будетъ имѣть въ своей основѣ начало децентрализаціи...

Тутъ его прервалъ первый уполномоченный Великобританіи, тогдашній министръ по дѣламъ Индіи Маркизь Сольсбери.

— Мы собрались здѣсь не затѣмъ, чтобы знакомиться съ текстомъ Оттоманской Конституціи, а чтобы выработать *международныя гарантіи*, обезпечивающія *элементарныя* гражданскія права христіанамъ, состоящимъ въ подданствѣ Его Величества султана, сказалъ маркизь. Я предлагаю приступить къ выбору секретарей конференціи и отложить дальнѣйшія ея работы впредь до выработки уполномоченными державъ-поручительницъ соотвѣтствующихъ задачъ конференціи законоположеній и обязательствъ.

Въ тотъ же день составленныя Нелидовымъ (разумѣется съ одобренія Игнатьева и Горчакова) русскія предположенія относительно реформъ съ гарантіями, быстро переписанныя въ пяти экземплярахъ чинами посольской канцеляріи и драгоманата (пишущихъ машинъ, тогда еще не было и въ поминѣ), были препровождены уполномоченнымъ Австро-Венгріи, Великобританіи, Германіи, Франціи и Италіи.

Въ тотъ же вечеръ и затѣмъ всю ночь на пролетъ Нелидовъ проработалъ при содѣйствіи перваго драгомана посольства Ону и второго секретаря Губастова надъ составленіемъ критической оцѣнки Мидхадовой конституціи, съ точки зрѣнія ея недостаточности для обезпеченія за христіанами гарантированныхъ державами (по Парижскому трактату 1856 годъ) правъ.

Эта работа совѣтника русскаго посольства уже въ слѣдующее засѣданіе конференціи служила основой всѣхъ уполномоченныхъ для переговоровъ съ Портою.

Общеизвѣстно, къ чему привела конференція въ Топханэ...

Когда наши дипломатическія сношенія съ Турціей были окончательно разорваны, военныя дѣйствія начались такъ скоро, что Нелидовъ, назначенный начальникомъ дипломатической канцеляріи при главнокомандующемъ русской арміей, которая была сосредоточена на Прутѣ, въ нѣскольکو дней послѣ приѣзда изъ Константино-

поля въ Петербургъ, уже долженъ былъ снѣшить въ Кишиневъ, гдѣ временно находилась главная квартира.

Переходъ черезъ Румынію, переправа черезъ Дунай, Шипка, Плевна—все это было пережито Александромъ Ивановичемъ, который вмѣстѣ съ Игнатьевымъ велъ въ Санъ-Стефано переговоры о мирѣ и составлялъ «*Le traité préliminaire de San-Stefano*».

Походы, тревоженія, напряженные до нелѣзя труды подорвали его здоровье и онъ былъ очень радъ, когда по заключеніи міра ему удалось безъ проволочекъ получить безмятежно спокойный и вполне почетный постъ посланника въ Дрезденъ.

Отдыхалъ Нелидовъ на живописныхъ берегахъ верхней Эльбы менѣе пяти лѣтъ.

Императоръ Александръ III, недовольный образомъ дѣйствій Е. П. Новикова въ Константинополѣ и знавшій Нелидова въ Балканахъ, рѣшилъ назначить его посломъ въ Константинополь, каковое предложеніе оправившійся «*angenehmer Fuenfziger*» Нелидовъ принялъ съ живѣйшимъ удовольствіемъ.

Съ одной стороны его тяготило дрезденское бездѣйствіе, съ другой—онъ вполне справедливо чувствовалъ себя призваннымъ играть активную роль въ отечественной внѣшней политикѣ на Востокѣ, съ которымъ его связывало и университетское образованіе (онъ былъ на факультетѣ восточныхъ языковъ въ петербургскомъ университетѣ), и самые сознательные годы дипломатической службы.

Когда восточно-румелийскіе болгары произвели безкровную революцію, выпроводили своего генераль-губернатора Алекопашу Богоридеса вонъ изъ Пловдива и провозгласили соединеніе съ болгарскимъ княжествомъ, я опять былъ командированъ въ Константинополь, чтобы давать отчеты о работахъ новой собравшейся тамъ международной конференціи.

Я нашелъ Александра Ивановича Нелидова очень немного измѣнившимся за тѣ 9 безъ малаго лѣтъ, въ теченіе которыхъ я его не видѣлъ. Онъ оставался худощавымъ и стройнымъ, волосы сохраняли прежнюю густоту, бакенбарды прежнюю пушистость; только просѣдь въ тѣхъ и другихъ нѣсколько увеличилась.

Въ качествѣ русскаго посла при султанѣ это былъ въ полномъ смыслѣ «the right man of the right place».

Въ посольствѣ, въ драгоманатѣ, въ консульствѣ, царствовали порядокъ, исправность, разумная распорядительность. Русскіе интересы, нужды и обращенія русскихъ подданныхъ находили тамъ цѣлесообразную отзывчивость.

Въ сношеніяхъ съ Ильдизъ-Кіоскомъ и Портой установились довѣрчивыя отношенія и посолъ по громадному большинству текущихъ дѣлъ не только русскихъ, но и балкано-славянскихъ, добивался тактомъ и ловкостью надлежащаго удовлетворенія.

Въ кругу иностранныхъ дипломатовъ Нелидовъ пользовался большимъ авторитетомъ и фактически былъ дуайеномъ дипломати-

ческаго корпуса, хотя номинально имъ считался австро-венгерскій посолъ баронъ Каличе.

Тогда благодаря лишь личному вѣсу Нелидова, турки не ворвались со своими войсками и баши-бузуками въ предѣлы Восточной Румелии и Болгаріи.

Командированный въ Парижъ за два мѣсяца до русско-японской войны, я засталъ тамъ А. И. Нелидова на мѣстномъ посольскомъ посту.

Тутъ уже онъ говорилъ со мною со свободою во первыхъ старѣйшины русской дипломатіи, которому нѣтъ надобности «подвѣдомственно» считаться съ вѣяніями у Цѣвческаго Мостика; во вторыхъ, какъ съ человѣкомъ, извѣстнымъ ему уже безъ малаго тридцать лѣтъ и никогда не ставившимъ его въ затруднительное положеніе какою нибудь «indiscretion».

Японцы такъ хитро вели свою игру передъ войною, что рѣшительно вся западная дипломатія еще наканунѣ набѣга на нашъ флотъ въ Портъ-Артуръ была убѣждена, что въ правительствѣ Микадо преобладаютъ сторонники мирнаго улаженія конфликта.

Нелидовъ однако уже при первомъ моемъ свиданіи съ нимъ, учитывалъ вѣроятность столкновенія и говорилъ съ необычайной для дѣйствующаго дипломата откровенностью:

— Въ Портъ - Артуръ насъ толкнула

Германія и мы напрасно дали себя увлечь сю туда. Конечно такая сила, какъ Россія дошла бы современемъ неминуемо до незамерзающихъ береговъ Тихого Оксана. Но этотъ шагъ былъ сдѣланъ нами слишкомъ поспѣшно. Намъ надо было раньше урегулировать наши отношенія въ восточной Европѣ и въ западной Азіи.

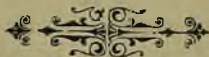
Въ Парижѣ Нелидовъ быстро сталъ на короткую ногу съ министромъ Делькассэ и благодаря этой короткости имѣлъ возможность оказывать весьма существенныя, но не подлежащія пока оглашенію въ печати услуги родинѣ во время войны.

Вначалѣ ея этотъ семидесятилѣтній старикъ былъ еще изумительно бодръ, живучъ и подвиженъ для своего преклоннаго возраста. Всегдашняя стройность, сухощавость, выпрямленный станъ и приподнятая голова оставались въ своемъ всегдашнемъ видѣ.

Но горячаго и горделиваго патріота сломили неудачи русскаго оружія. Послѣ Ляна онъ слегъ въ постель...

Лебединою пѣснью его было блестящее председательствованіе на второй Гаагской конференціи.

Д. Ричз.

29432

25183
[X]

Цѣна 5 копѣекъ.

Тито Литографія К. И Лингардъ, Котоменская. 90

рхм
8/13